

Расходящиеся общества: особенности системной трансформации в России и Украине

О.Д. КУЦЕНКО

В данной статье анализируются особенности процессов и результатов социальной трансформации в России и Украине. Эти страны представляют собой интересные примеры того, как могут разворачиваться специфические процессы переструктурирования общественных отношений в странах, имеющих долгое общее прошлое. Их сравнение позволяет лучше понять как общее, характерное для этих стран, отказавшихся от модели государственного социализма, так и то особенное, благодаря которому отдельные страны формируют уникальные композиции общественных форм в евразийском, европейском и глобальном концертах социокультурных взаимодействий.

Проблематика посткоммунистических трансформаций как новой великой трансформации¹ конца XX — начала XXI в. уже около двух десятилетий находится в фокусе научных дискуссий. Столь высокий интерес, безусловно, не случаен. Интенсивные процессы социальных изменений в странах бывшего государственного социализма стали продуктом как внутренней логики их развития, так и неизбежным следствием глобальной трансформации мировой системы. Общества последних десятилетий, связанные и не связанные с системой государственного социализма, оказались погруженными в процесс настойчивого поиска новых форм экономического и политического развития, в ходе которого происходит переструктурирование социального пространства, созидание и легитимация новых форм отношений, солидарностей и конфликтов.

Полученные в социальных науках в последние десятилетия значительные исследовательские результаты предложили описания и объяснения изменений в обществах бывшего государственного социализма в период начальной и активной фаз посткоммунистических трансформаций. Многообразие способов объяснений определило континуум, ориентированный на три доминирующие и порой конкурирующие идеи: 1) взаимозависимость демократических изменений,

¹ Авторы сборника [The New Great Transformation? 2004] перефразировали название известной работы К.Поланьи, опубликованной в 1944 г.

успехов экономической либерализации и культурной модернизации [Lipset 1959, p. 69—105; Helliwel 1994, p. 225-248; Burkhart, Lewis-Beck 1994, p. 903—910; Prospects of democracy... 1997; Gasiorowski, Power 1998, p. 740—771; Olson, Sarna, Swamy 2000, p. 341—364]; 2) относительная независимость экономических успехов от процесса демократизации и, в свою очередь, зависимость демократических успехов от социальной структуры (гражданское общество, новый средний класс), «человеческого развития», распространения гражданских ценностей (прежде всего, свободы и самовыражения) [Przeworski 2000, p. 92—106; Brint 1984, p. 30—71. Inglehart, Baker 2000, p. 19—51; Anand, Sen 2000, p. 2029—2049]; 3) историко-обусловленная (традиции, религия, имперское наследие и т. д.) национальная и региональная самобытность трансформаций [Huntington 1996; Kopstein, Reilly 2000, p. 1—37; Welzel, Inglehart, Klingemann: Интернет-ресурс]. И несмотря на то, что, по словам Р. Даля, К. Вельзеля, Р. Инглехарта и Х.-Д. Клингемана, «точная природа отношений» между экономическим развитием, демократизацией и культурной модернизацией «все также остается загадочной, как и четверть века назад» [Dahl 1997, p. 14—33; Welzel, Inglehart, Klingemann 2001, p. 3—4], некоторые принципиальные аспекты посткоммунистических трансформаций стали очевидными (доказанными), а именно:

несинхронность изменений в институциональных и культурной подсистемах обществ, что способствовало разрушению неолиберального мифа одновременно-го «рыночного и демократического транзита» путем целенаправленных реформ, ведущего к определенным результатам;

непредзаданность и расхождение результатов трансформации для стран бывшего государственного социализма;

повышение вероятности стабильной демократии при выходе общества на высокие уровни экономического развития, расширяющего индивидуальные ресурсы и возможности человеческого выбора, если такой «выход» сочетается с усилением значения ценностей свободы и самовыражения, требующих институциональных, легальных гарантий безопасности человеческого выбора²;

зависимость характера трансформационных изменений от прошлого состояния обществ [Stark, Bruszt 1997], его историко-культурных традиций, устремлений к свободе, что обуславливает доминирование эндогенных факторов развития;

зависимость характера трансформации от консолидации национальных элит, их умения мобилизовать деятельностный, структурный и культурный потенциалы на формирование и достижение целей преобразований;

существенное влияние на данные процессы факторов глобального капитализма, региональной зависимости и геополитических поддержек.

Общества бывшего государственного социализма, в том числе постсоветские страны, прошли и проходят подобные фазы внутренних изменений, которые, вместе с тем, различаются по времени, интенсивности, ресурсам и содержательным результатам. В процессе посткоммунистических трансформаций проявились следующие общие фазы изменений обществ государственного социализма [Куценко 2004, с. 26—27]:

² Доказательства этого вывода приведены в нескольких последних работах Р. Инглехарта, К. Вельзеля и Х.-Д. Клингемана. А также см.: [Rose 2001, p. 93—106].

предтрансформационная фаза, связанная с падением эффективности общественных ресурсов и форм общественных отношений, стагнацией экономических и социальных процессов, ростом дисфункциональности системы и социальной неудовлетворенности ею;

начальная фаза, в течение которой происходило целенаправленное институциональное смещение системы путем реформирования базовых институтов (прежде всего, экономики, политики и идеологии), формирование первичной законодательной базы для развития демократии, гражданского общества, предпринимательства и рынка, политическая мобилизация и преобладание социального оптимизма в самочувствии общества;

переходная фаза, характеризующаяся доминированием процессов разрушения системы государственного социализма, проявлением неустойчивых, нецелостных свойств системы рынка и политического плюрализма, встраивание рыночных институтов и институтов демократии в общество и экономику, накопление новых экономических, социальных, политических и культурных практик и правил, адаптация к ним;

продвинутая фаза, возникновение которой означает достижение обществом критической массы перемен, проявление структурных свойств и правил, характерных для рыночной системы и, возможно, демократии, а также массовая адаптация к новой системе, согласование новых институтов, правил, структурирование и воспроизводство новых общественных отношений;

наконец, фаза консолидации (посттрансформационная) означает, по сути, стабилизацию системы общественных отношений, легитимацию сформировавшегося порядка и создание/функционирование механизмов поддержки его стабильности.

Государства и общества, которые на рубеже 1980—1990-х годов вошли в крайне неустойчивое и неопределенное состояние «возвращения к капитализму» и системного отказа от тотального государственного и идеологического контроля, из этой протяженной во времени «трансформационной пучины» стали выходить другими и разными. По мере прохождения фаз социальных трансформаций, в течение 1990-х годов, становились все более заметными не только общие черты, характерные для развития посткоммунистических стран, но и расхождения свойств общественных систем, скрывающиеся за фасадами институтов рынка и демократии, которые постепенно приобретали относительную устойчивость и определенность. Посткоммунистические общества на «выходе» трансформационной пучины оказались другими, чем ожидалось многими теоретиками и практиками посткоммунистических изменений на начальных фазах этого движения. Если признать тот факт, что к началу 2000-х годов в подавляющем большинстве стран состоялся процесс трансформации как уход от системы государственного социализма, то, несмотря на исследовательские достижения, открытыми остаются вопросы, связанные с пониманием сущностных черт обществ, возникших на руинах прошлой системы, пониманием причин и направлений расхождения в экономическом развитии, политических режимах и гражданской консолидации.

Украина и Россия являются частью бывшей советской системы, которая на протяжении последних двух десятилетий переживает глубокие внутренние изменения. Отнюдь не новыми являются споры о том, идет ли развитие в пост-

советских странах особым путем. В последнее время эти споры приобрели особое звучание. Еще в первой половине 1990-х годов различия в процессах изменений в России и Украине скрывались под грузом общих принципиальных проблем, связанных с реформированием фундаментальных общественных институтов, а также с возникшими новыми проблемами (строительство национального государства, формирование новой гражданской идентичности, резкое падение уровня жизни, разрушение статусов и социальных гарантий, галопирующая поляризация). Однако уже с конца 1990-х годов начинают обнаруживаться заметные различия в развитии данных обществ, а события «оранжевой революции» придали динамику процессу расхождения. Расхождения, о которых речь пойдет ниже, были подготовлены как определенными историческими различиями данных обществ³, так и специфическим прохождением фаз трансформационных преобразований, в ходе которых накапливались и выкристаллизовывались изменения.

Именно на этой особенности мы и остановимся, сравнивая некоторые важнейшие макросистемные показатели, отражающие состояние базовых институтов экономики, политики и гражданской идентичности. Мы будем исходить из предположения о том, что факторы экономики и их «сердцевина» — отношения собственности, присвоения — являются «первыми среди равных» многих других, влияние которых в совокупности задает векторы и коридоры возможных социетальных изменений.

Какие социальные последствия влекли за собой институциональные изменения экономики в России и Украине? Как эти изменения влияли на изменение социальных возможностей, структурирование социальных интересов и обретение ими идентичности?

Российское и украинское общества, как и подавляющее большинство обществ (если не все) в прошлом государственного социализма, начинали свое движение к рыночно-капиталистической экономике и демократии на рубеже 1980—1990-х годов со сходными ресурсами. В условиях коллапса советской системы им не хватало:

сильного государства;

развитого гражданского общества, способного компенсировать «провалы» государства и других общественных институтов;

первоначальных капиталов, развитых рынков и соответствующих умений; соответствующих правил игры и специфических игроков.

По образному выражению И. Селени и его соавторов, это было построение «капитализма без капиталистов» [Eyal, Szelenyi, Townsley 1998] и, продолжая эту мысль, — демократии без развитого гражданского общества, а рынка без четкого представления о том, что это такое.

³ Учитывая, с одной стороны, обилие специальной литературы по данной теме, с другой стороны, неизбежную схоластичность теоретизирований по данному поводу (в виду выраженной субъективной природы многих приводимых историко-культурных аргументаций), мы сознательно не будем обсуждать данный предмет. Только сошлемся на один аргумент, связанный с представлением о взаимоотношениях центра России и значительной части территорий Украины как «имперского центра и периферии» и вытекающих отсюда следствиях: отношений господства vs зависимости, устремлений к порабощению vs свободе, различий исторической памяти, общественного сознания и психологии.

сдвигам в новых государствах, образовавшихся в постсоветском пространстве, и фактором последовавших расхождений в происходящих изменениях. Важнейшие проблемы, с которыми столкнулись новые государства, были связаны с консолидацией общества, строительством государства, проведением рыночных и демократических институциональных преобразований. Первоначально в России и Украине были предложены различающиеся стратегии преобразований: если для России стратегия была связана с определенными представлениями о либерализации экономики путем «шоковой терапии», которые поддерживались идеей возрождения традиций российской государственности, то для Украины правящей элитой на первый план была выдвинута идея возрождения украинской нации, а экономическая либерализация и демократизация представлялись скорее как переменные, зависящие от раскрытия таких «исконных черт» украинского народа, как чувство хозяина, стремление к самоуправлению и независимости.

С 1992—1993 гг. в России и Украине начинается политика «шоковой терапии», происходит либерализация цен, по сути, уход государства с позиций контроля над экономикой и общественными процессами; либерализация способствует наполнению потребительского рынка товарами и поддержке массовых надежд. По результатам социологических опросов в среднем половина респондентов и в России, и в Украине в этот период верили, что ситуация развивается в правильном направлении. Так, по данным репрезентативного для населения Украины опроса, проведенного Централно-українським відділенням ВЦИОМ в 1992 г., около 80% респондентов поддерживали демократические преобразования в стране, почти 60% высказывались в поддержку развития предпринимательства и частной собственности, около двух третей — в поддержку частной собственности на землю, 56% полагали образец западных стран наилучшим для дальнейшего развития Украины [Головаха, Панина 2003; Соціологічний моніторинг... 2003, с. 293—302]. В России, по результатам апрельского референдума 1993 г., 53% голосовавших высказались за продолжение реформ, однако почти такая же доля участников референдума (47%) выразили противоположное мнение [Заславская 1993, с. 3—8; Заславская 2002, с. 129].

Только в этот недолгий период и в России, и в Украине казалось, что никаких серьезных преград на пути к демократии и рынку нет. Вместе с тем уже в скором времени на фоне разразившихся экономических потрясений надежды сменились социальным шоком, массовым разочарованием и неуверенностью, граничащими с отчаянием.

С 1992 г. в Украине и России началась приватизация малых и крупных предприятий путем открытых тендеров, а с 1995 г. по 1999 г. в Украине развернулся процесс массовой ваучерной приватизации. Приватизация стимулировала частную инициативу и стала одним из важных факторов выхода стран из глубокого системного кризиса к концу 1990-х годов. Однако в результате широкомасштабной ваучерной приватизации миллионы граждан как Украины, так и России, вопреки ожиданиям, не стали реальными собственниками. Так, в Украине 19 млн акционеров стали собственниками лишь номинально, даже не оформив право собственности на приобретенные акции [Барановский, Сиденко 2004]. Неденежная приватизация вела к приобретению собственности инсайдерами, что влекло за собой медленный рост спроса на институциональные реформы. В свою очередь, отсутствие развитых рыночных

сдвигам в новых государствах, образовавшихся в постсоветском пространстве, и фактором последовавших расхождений в происходящих изменениях. Важнейшие проблемы, с которыми столкнулись новые государства, были связаны с консолидацией общества, строительством государства, проведением рыночных и демократических институциональных преобразований. Первоначально в России и Украине были предложены различающиеся стратегии преобразований: если для России стратегия была связана с определенными представлениями о либерализации экономики путем «шоковой терапии», которые поддерживались идеей возрождения традиций российской государственности, то для Украины правящей элитой на первый план была выдвинута идея возрождения украинской нации, а экономическая либерализация и демократизация представлялись скорее как переменные, зависящие от раскрытия таких «исконных черт» украинского народа, как чувство хозяина, стремление к самоуправлению и независимости.

С 1992—1993 гг. в России и Украине начинается политика «шоковой терапии», происходит либерализация цен, по сути, уход государства с позиций контроля над экономикой и общественными процессами; либерализация способствует наполнению потребительского рынка товарами и поддержке массовых надежд. По результатам социологических опросов в среднем половина респондентов и в России, и в Украине в этот период верили, что ситуация развивается в правильном направлении. Так, по данным репрезентативного для населения Украины опроса, проведенного Центрально-украинским отделением ВЦИОМ в 1992 г., около 80% респондентов поддерживали демократические преобразования в стране, почти 60% высказывались в поддержку развития предпринимательства и частной собственности, около двух третей — в поддержку частной собственности на землю, 56% полагали образец западных стран наилучшим для дальнейшего развития Украины [Головаха, Панина 2003; Соціологічний моніторинг... 2003, с. 293—302]. В России, по результатам апрельского референдума 1993 г., 53% голосовавших высказались за продолжение реформ, однако почти такая же доля участников референдума (47%) выразили противоположное мнение [Заславская 1993, с. 3—8; Заславская 2002, с. 129].

Только в этот недолгий период и в России, и в Украине казалось, что никаких серьезных преград на пути к демократии и рынку нет. Вместе с тем уже в скором времени на фоне разразившихся экономических потрясений надежды сменились социальным шоком, массовым разочарованием и неуверенностью, граничащими с отчаянием.

С 1992 г. в Украине и России началась приватизация малых и крупных предприятий путем открытых тендеров, а с 1995 г. по 1999 г. в Украине развернулся процесс массовой ваучерной приватизации. Приватизация стимулировала частную инициативу и стала одним из важных факторов выхода стран из глубокого системного кризиса к концу 1990-х годов. Однако в результате широкомасштабной ваучерной приватизации миллионы граждан как Украины, так и России, вопреки ожиданиям, не стали реальными собственниками. Так, в Украине 19 млн акционеров стали собственниками лишь номинально, даже не оформив право собственности на приобретенные акции [Барановский, Сиденко 2004]. Неденежная приватизация вела к приобретению собственности инсайдерами, что влекло за собой медленный рост спроса на институциональные реформы. В свою очередь, отсутствие развитых рыночных

институтов приводит к тому, что сделки на вторичном рынке стимулируют концентрацию собственности в руках небольшого числа собственников с политическими связями [Гуриев, Меггинсон 2005 с. 17]. На этой основе очень быстро формировались «перераспределительные коалиции» (М. Олсон), кристаллизация которых приводила к экономическому доминированию нескольких крупных бизнес-политических групп олигархического характера (в отношении Украины подробнее см.: [Kutsenko 2004, p. 205—221]).

Если в России приватизация крупных предприятий и земли фактически с 1993 г. стала продвигаться более или менее успешно, то в Украине процесс приватизации земли изначально встретил существенное сопротивление (как со стороны массового сознания, так и со стороны значительной части элит). В то же время приватизация малых предприятий в Украине была относительно успешной. Несмотря на это, к началу 2003 г. в Украине было зарегистрировано лишь 253,8 тыс. малых предприятий, что составило 53 на 10 тыс. населения — или на порядок ниже, чем в странах с развитой рыночной экономикой (500—700 предприятий на 10 тыс. населения). Доля продукции малых предприятий в общем объеме производства продукции (в том числе услуг) в Украине к 2004 г. составляла лишь 7,3%, в то время как в развитых рыночных экономиках — 50—60%. До сих пор в Украине остается очень высокой часть монопольного сектора экономики в ВВП: на конец 2003 г. его доля превышала 40% [Интернет ресурс: Послания Президента...].

Характер данных процессов отражают индексные оценки Европейского Банка реконструкции и развития, подтверждающие относительно невысокие достижения в рыночных преобразованиях в России и Украине на период к началу 2000-х годов (табл. 1). Вместе с тем, по сравнению с Украиной, успехи в рыночных преобразованиях в России были более заметными (особенно в крупномасштабной приватизации, способствующей накоплению крупных капиталов и формированию крупных собственников).

Несмотря на то что с 1994 г., по сути, с крахом национально-мифологизированных представлений о путях общественных преобразований в Украине (что было закреплено результатами президентских и парламентских выборов 1994 г.), экономические преобразования в Украине демонстрировали зависимый от России характер и шли в фарватере российской политики, вместе с тем в этот же период происходят важные структурные сдвиги в сфере внешнеторговых отношений, укрепляющие экономический базис начавшемуся процессу расхождения общественных систем. Согласно данным государственной статистики Украины, с 1997 г. по сути произошла инверсия внешней торговли страны: если до этого периода доминировал экспорт украинских товаров в Россию, то после 1997 г. стал заметно увеличиваться, а затем и преобладать экспорт в Европу. Доля стран Старого Света в общем товарообороте Украины составляла на конец 2002 г. 35,1% против 28,1% доли России, т. е. была больше примерно в 1,25 раза. До 1996 г. включительно было наоборот: на Европу приходилось 25,4% от общего товарооборота Украины, на Россию — 41,2%. На протяжении последних лет рейтинг ведущих инвесторов в Украину остается постоянным: в конце 2003 г. на долю США приходилось 15% от общего объема иностранных инвестиций, на страны Евросоюза приходилось в общей сложности более 30%, на Россию — 8% от общего объема [Статистический ежегодник... 2004].

Таблица 1. Прогресс в рыночных преобразованиях, оценки на 1999–2000 гг.

Страны	Доля частного сектора в ВВП в %, сер. 2000 г. (в оценках EBRD)	Предприятия			Рыночная конкуренция	Индекс восприятия коррупции, 1999г. ****
		Крупно-масштабная приватизация *	Малая приватизация **	Реструктуризация управления предприятиями ***		
Чешская Республика	80	4	4+	3+	3	4,6
Венгрия	80	4	4+	3+	3	5,2
Польша	70	3+	4+	3	3	4,2
Россия	70	3+	4	2	2+	2,4
Украина	60	3-	3+	2	2+	2,6
Молдова	50	3	3+	2	2	?

* Крупномасштабная приватизация: 4+ означает стандарты и проявления, типичные для развитых индустриальных экономик с более чем 75% предприятий, основанных на частной собственности с эффективным корпоративным управлением.

** Малая приватизация: 4+ означает стандарты и проявления, типичные для развитых индустриальных экономик с негосударственной собственностью на малых предприятиях и эффективной торговлей землей.

*** Реструктуризация управления предприятиями: 4+ означает стандарты и проявления, типичные для развитых индустриальных экономик с эффективным корпоративным контролем, осуществляемым с помощью внутренних финансовых институтов и рынков, способствующих рыночно-ориентированному реструктурированию.

**** Более низкие показатели означают более высокий уровень коррупции.

Источники: [Transition Report 2000, p. 14; Transparency International Reported 1999, p. 12–13].

Прямые иностранные инвестиции на протяжении 1990-х и начала 2000-х годов не стали заметным фактором стимулирования социально-экономических преобразований в Украине, как и в России. Их объем во всех странах СНГ был очень низким (по сравнению со странами Восточной и Центральной Европы), а в Украине в 1990-х годах был наиболее низким на душу населения по сравнению со всеми другими европейскими странами с переходной экономикой (за исключением Беларуси). За период 1989–2000 гг. объем прямых иностранных инвестиций составил всего 67 US\$ на душу населения Украины и 85 US\$ в России (табл. 2). Такая инвестиционная среда не могла существенно повлиять на формирование определенно ориентированного на Запад, зависимого от него и стремящегося жить по его правилам крупного капитала.

Затягивание реформ усиливало структурные деформации, социальное отчуждение и массовое недовольство общественными преобразованиями.

Все страны бывшего государственного социализма в период институциональных сдвигов пережили резкую инфляцию, падение объемов производства, валового национального дохода, занятости, деиндустриализацию, рост социального расслоения, падение уровня и качества жизни граждан, резкие сдвиги в социальных и политических настроениях. Макроэкономический и социальный шок, по-видимому, были неизбежным результатом институциональных сдвигов

Таблица 2. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в отдельных странах (приток в балансе платежей), млн долл. США

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	Кумулятивный ПИИ — приток на душу за период 1989—2000 (US\$)	ПИИ — приток % к ВВП, 2000
Чехия	2562	1428	1300	3718	6324	4986	5641	8483	2583	2,102	9,1
Венгрия	4741	3291	4166	3344	3311	2777	3949	3021	2340	1,935	3,5
Польша	3659	4498	4908	6365	7270	9343	5714	4131	4124	751	5,9
Латвия	180	382	521	357	347	413	132	254	300	1,027	4,6
Болгария	90	109	505	537	819	1002	813	905	1419	407	8,1
Румыния	419	263	1215	2031	1041	1037	1157	1146	1840	303	2,8
Молдавия	67	24	79	76	38	136	146	117	58	102	7,1
Россия	2065	2579	4865	2761	3309	2714	2748	3461	7958	85	0,8
Украина	267	521	623	743	496	595	792	693	1424	67	1,9

Источники: [Economic Transition 2001, p. 22; Обзор экономического положения Европы, 2005, с. 161].

экономики и резких структурных изменений общества. В частности, этот вывод А. Пржеворский аргументировал еще в 1990 г., предсказывая неизбежный «start-stop-start» цикл экономических реформ и социальных реакций в Центральной и Восточной Европе [Przeworski 1991]. При этом глубина, продолжительность и разрушительные последствия «шоковой терапии» оказались для разных стран, в том числе Украины и России, разными.

Если в результате катастрофического развития Украина потеряла примерно 60% объема производства по сравнению с 1989 г. (пик падения пришелся на 1998 г.), Россия — 45% (пик падения — в 1998 г.), то объем произведенного валового внутреннего продукта в Польше снизился максимум на 18% (пик падения — 1991 г.), а в Чехии — на 13% (пик в 1993 г.) — (табл. 3, 5). Украина стала «рекордсменом» в падении не только объемов ВВП, но и деиндустриализации, занятости в промышленности (табл. 4), показатели которой максимально снизилась в 2001 г. более чем на 50% к уровню 1989 г. (после чего стал наблюдаться некоторый рост индустриального сектора). В России общая занятость в промышленности упала на 37% в 1998 г., после чего состояние стабилизировалось на этом уровне, и в начале 2000-х годов начался некоторый рост.

Экономическое падение сопровождалось резким ростом социальных неравенств, поляризацией населения по доходам и, в целом, экономическим возможностям. Однако масштабы поляризации также оказались различными. Если уровень неравенства в доходах, измеренный коэффициентом Джинни, в России и Украине к середине 1990-х годов увеличился почти в два раза по сравнению с уровнем конца 1980-х годов и достиг 47—48 единиц, то в Чехии, Венгрии, Польше размах социальной дифференциации был не столь масштабным, а увеличение произошло на 2—8 единиц (табл. 6). В этих странах относительному выравниванию доходов способствовало то, что государство, в отличие от России и Украины, не ушло от регулирования процессов преобразований; государственная социальная политика в этих странах была направлена на снижение

Таблица 3. Динамика реального ВВП в отдельных посткоммунистических странах (ежегодное изменение, в %)

Год	Чешская Республика	Польша	Литва	Украина	Российская Федерация
1990	—	—	—	-3,6	-3,0
1991	-11,6	-7,0	-5,7	-8,7	-5,0
1992	-0,5	2,6	-21,3	-9,9	-14,5
1993	0,1	3,8	-16,2	-14,2	-8,7
1994	2,2	5,2	-9,8	-22,9	-12,7
1995	5,9	7,0	5,2	-12,2	-4,1
1996	4,2	6,0	4,7	-10,0	-3,6
1997	-0,7	6,8	7,0	-3,0	1,4
1998	-1,1	4,8	7,3	-1,9	-5,3
1999	1,2	4,1	-1,7	-0,2	6,4
2000	3,9	4,0	3,9	5,9	10,0
2001	2,6	1,0	6,4	9,2	5,1
2002	1,5	1,4	6,8	5,2	4,7
2003	3,7	3,8	9,7	9,4	7,3
2004	4,2**	5,4**	7,0	12,1*	7,2*
2005	4,0**	5,1**	7,0	2,4*	6,4*

Источники: [World Economic and Financial Surveys 2003, p. 181; Transition Report Update 2001, 2002].

* Межгосударственный статистический комитет СНГ: <http://www.cisstat.com/rus/index.htm>.

** Outlook for 2005 // Economic Survey of Europe 2005 // Press Release: www.unecce.org/press/pr2005/05gen_p04e.htm

социальной цены реформ, поддержку наиболее уязвимых слоев населения, а также на поддержку тех групп, без инновационной активности которых общество не могло бы себе обеспечить успешное развитие. В отличие от данных стран, в Украине и России стабилизационные программы были приняты только в конце 1994 и начале 1995 гг. (соответственно), когда социально-экономический кризис приобрел катастрофные масштабы (см. табл. 5).

На этом фоне в Украине, как и в России, уже с конца 1993 г. стали быстро распространяться массовые апокалипсические настроения⁵, рост аномии [Панина 1996, с. 46; Головаха 1996], происходило резкое отчуждение общества от государства и власти, что, в свою очередь, «развязывало руки» «перераспределительным коалициям», объединенным частными интересами⁶, и стимулировало процессы

⁵ Которые, согласно опросам общественного мнения, доминировали вплоть до конца 1990-х годов и с максимальной силой проявились в 1994—1998 гг.

⁶ М. Олсон в работе «Логика коллективного действия» показал, что «перераспределительные коалиции» — относительно узкие группы людей, объединенные частными интересами, в большей мере способны к самоорганизации, чем широкие аморфные группы, объединенные общими интересами [Olson 1965].

Таблица 4. Индексы динамики общей занятости и занятости в промышленности в отдельных посткоммунистических странах (1989=100)

Год	Чехия		Польша		Литва		Украина		Россия	
	Общая занятость	Занятость в промышленности	Общая занятость	Занятость в промышленности	Общая занятость	Занятость в промышленности	Общая занятость	Занятость в промышленности	Общая занятость	Занятость в промышленности
1980	95,3	—	102,0	—	93,4	—	99,7	—	96,9	—
1989	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1990	99,1	95,8	95,8	93,7	97,3	96,7	100,0	98,1	99,6	100,7
1991	93,6	92,2	90,1	86,1	99,7	99,0	98,3	97,3	97,7	98,9
1992	91,2	85,1	86,3	76,7	97,5	91,4	96,4	92,7	95,3	94,1
1993	89,7	80,9	84,3	74,4	93,4	78,0	94,2	87,9	93,7	91,8
1994	90,4	76,6	85,1	73,8	88,0	64,5	90,6	78,3	90,6	82,0
1996	93,4	76,4	88,3	75,6	87,2	57,0	91,4	66,8	87,2	72,2
1998	90,4	74,9	92,9	75,0	87,0	56,5	87,9	59,3	84,4	62,5
2000	87,9	71,4	88,3	65,3	73,4	49,6	83,7	51,3	85,1	64,2
2001	88,2	72,0	87,8	62,8	71,0	48,0	82,4	49,4	85,6	64,8
2002	87,8	67,7	87,0	61,1	73,9	50,1	84,1	55,0	86,5	64,1

Источник: [Economic Survey of Europe 2003, p. 115—116.

Таблица 5. Стабилизационные программы, максимальная инфляция, падение производства и относительный уровень ВВП в 2002 г.

Страны	Дата начала стабилизационных программ	Год пика инфляции	Уровень максимальной инфляции на конец года пика	Год максимального падения производства	Индекс реального ВВП в 2002г. (1989 г. = 100)
Польша	Янв.1990	1990	249,0	1991	129.8
Чехия	Янв.1991	1991	52,0	1992	105.1
Литва	Янв.1992	1992	1161,1	1994	78.3
Украина	Нояб.1994	1993	10155,0	1998	47.7
Россия	Апр.1995	1992 / 1998	2506,1 / 84,5	1998	71.4

Источник: [Gros, Steinherr 2004, p. 108].

«захвата»⁷ последними государственной собственности. Через проникновение бизнеса в политику, сращивание последних, рекомбинантные стратегии в условиях неоднозначности ресурсов, «захват государства», развитие коррупции

⁷ Под термином «захват государства» авторы доклада, представленного на конференции Всемирного банка по переходным экономикам в 2000 г., понимают возможность для представителей бизнеса, фирм влиять на формирование базовых правил игры посредством взятков чиновникам или политикам [Hellman, Geraint, Kaufman, Schankerman 2000].

Таблица 6. Неравенства в доходах (коэффициент Джинни)

Страна:	1987—1989	1993—1995
Чешская Республика	19	27
Польша	26	28
Литва	23	37
Украина	23	47
Россия	24	48

Источник: [Transition Report Update 1999, p. 41].

в процессе приватизации шло не только формирование новых классов собственников и предпринимателей, но и укрепление и воспроизводство высокостатусных социальных позиций представителей бывшей номенклатурной бюрократии и их социальных сетей. Согласно концепциям «большой коалиции» Элемера Ханкисса и «политического капитализма» Ядвиги Станискис [Staniskis 1999, p. 127—141], бывшая политическая и экономическая элита, номенклатура вновь поднялась на поверхность после фазы перехода. Саймон Кларк делает более радикальный вывод [Clarke 1993; Кларк 2000] о том, что, по сути, в начале 1990-х годов, по крайней мере, в России и Украине произошла новая «революция управляющих», в результате которой политический и социальный капиталы были конвертированы в экономический капитал, а последний смог укрепиться за счет проникновения в политику.

Расцвет структурных деформаций и коррупции стал общим для наших стран результатом особенностей развития капитализма в условиях слабости государства и гражданского общества, отсутствия частных капиталов, безусловной политической и массовой поддержки реформ (эти факторы отмечаются в докладе: [Ход системных реформ в СНГ... 2003, с. 137—166]), высокого значения социальных сетей и неформальных правил игры в экономике и политике, устанавливаемых сильноресурсными группами интересов. Как отмечает Е. Гайдар, характерной чертой экономической политики стала ее ориентация на расходные статьи бюджета, в которых наиболее велика возможность хищения средств [Гайдар 2006, с. 10—24 (21)]. Система извлечения ренты, укорененная в коррупции и усиливающаяся с ростом структурных диспропорций, подавляла и подавляет рынки, деятельность частных предприятий и устремления к демократии. Те группы, которые получают ренту от таких диспропорций, оказываются заинтересованными в дальнейшем сохранении ее источников и, соответственно, в препятствовании рыночным и демократическим реформам. Все это способствовало накоплению инверсионного характера трансформационного развития, в ходе которого либерализация общества, экономики и политики все настойчивее дополнялась и «искривлялась» характерными для позднего советского общества превращенными механизмами и формами, делала процессы демократизации все более проблематичными.

Данные процессы до конца 1990-х годов в России и Украине проходили подобным образом, с небольшим лагом запаздывания для Украины. И экономическая политика, в том числе приватизации, в Украине явно испытывала ностальгическую зависимость от политики, проводимой в России.

С процессами приватизации, необходимостью выживать и выстраивать стратегии успеха в условиях неопределенности и быстрой изменчивости ресурсов и правил менялась социальная и культурная «ткань» обществ. На протяжении 1990-х и начала 2000-х годов данные процессы позволили не только сформировать широкую социальную среду мелких и средних предпринимателей, но и стать важным источником накопления частных капиталов, формирования крупных собственников, которым было что терять. В данных средах получили развитие общественные и политические организации, среди которых некоторые приобретали национальные масштабы и способность в той или иной мере влиять на процесс принятия государственных решений, затрагивающих их интересы, через участие их лидеров и представителей во фракциях парламента и в переговорных процессах с правительством.

Происходившая в 1990-х годах институционализация рынка, укрепление элит, нового административно-политического и бизнес-классов на основе конвертации административно-политических ресурсов, ресурсов собственности, культурного и социального капиталов в целом стимулировали процессы гражданской идентичности и классовообразования. Резкий рост неравенств, падение социальных возможностей для многих граждан, потеря идентичностей (в постсоветских обществах особенно — гражданских, национальных, связанных с разрушением бывшего СССР и образованием новых самостоятельных государств) становились фоном негативной социальной мобилизации в обширной социальной среде, фактически отчужденной от ресурсов собственности и влияния. В условиях роста экономической зависимости граждан от занятости, собственности и доходов стал формироваться экономический порог эксплуатации, расширяющийся под влиянием высокой безработицы, слабости имеющих у большинства граждан ресурсов, «ухода» государства из экономики, неразвитости экономической демократии и контроля со стороны профессиональных объединений. Более того, эксплуатация в таких объективных условиях стала играть роль признака позитивного социального включения в общество, возможности для граждан иметь хоть какие-то трудовые доходы. В результате более глубокий социальный раскол стал проявляться не столько между «эксплуататорами» и «эксплуатируемыми» (в классическом варианте), сколько между названными двумя группами в совокупности и теми, кто находится вне пределов поля эксплуатации, или социально исключенными.

В этих условиях развернулась не только активная борьба за влияние, борьба за собственность и формирование капиталов, но и активный «поиск своего места» в «отчужденной» и слабой в ресурсном отношении социальной среде, для представителей которой ресурсы экономической собственности и политической власти оставались практически недоступными, а имеющиеся ресурсы знания и квалификации, ресурсы социальных сетей — недостаточными.

В Украине и России к началу 2000-х годов четко обозначился перелом в общественной динамике [Макеев, Куценко, Оксамитная, Симончук, Костенко 2003; Головаха 2003; Соціологічний моніторинг 2003, с. 537—543; Куда пришла Россия 2003], связанный с преодолением хаотической динамики фазы перехода, с институциональным, структурным и ментальным приспособлением обществ к проникновению рынка, формальных институтов демократии и соответствующих систем ценностей, с приспособлением к сращиванию альтернативных практик,

правил и идентичностей. Данный перелом сопровождался и «взрывом» экономического роста не только в России и Украине, но практически во всех странах СНГ. В результате перелома в пространстве обществ России и Украины стала институционализироваться структурная дуальность как взаимодополнительность рыночных и нерыночных, демократических и командно-авторитарных отношений, что в совокупности становится одной из форм проявления «множественной современности». Однако парадокс заключается в том, что дуальность как форма общественной жизни не может быть устойчивой в длительной перспективе, а общество неизбежно будет сотрясаться внутренними противоречиями и оказываться перед выбором одной из альтернатив, определяемых такой дуальностью.

По сути, обозначенное выше означало то, что трансформационные процессы в России и Украине в начале 2000-х годов вошли в продвинутую фазу развития, в ходе которой еще сохраняются некоторые «коридоры выбора» между принципами свободного рынка и демократии и симбиотическими вариантами альтернативных общественных систем. Активное движение обществ все еще продолжается, но уже на новой фазе согласования, стабилизации, консолидации институтов и практик, которые проявили себя как наиболее успешные в новых общественных условиях. И важным результатом стало то, что общества России и Украины из этих бурных процессов преобразований выходят разными, утверждая собственные формы общественных отношений и не совпадающие «коридоры» дальнейшего развития.

Развитие России с начала 2000-х годов и особенно с 2003—2005 гг. позволяет предположить, что в российском обществе такая структурная дуальность стала или становится вполне приемлемой для подавляющей части общества и функционирующих элит. Дуальность утверждается в форме олигархо-административно-государственного капитализма. На этой основе в России развернулся активный процесс *консолидации* правящих элит и общества, отход от демократии (который никак не отрицает возможность успешного развития рынка, по крайней мере, в краткосрочной перспективе), мобилизация национально-имперского самосознания.

В Украине проявились другие принципиально значимые изменения социальной ткани общества. И, прежде всего, изменения, связанные с социальным и гражданским самосознанием, идентичностью.

На протяжении относительно долгих лет, после распада СССР, многие граждане Украины ощущали себя в роли «людей на перепутье». Так, по результатам репрезентативного опроса населения северо-востока Украины в марте 1994 г. одна треть респондентов по-прежнему считали себя гражданами СССР, каждый десятый идентифицировал себя с СНГ как подобием бывшего СССР [Куценко 1997, с. 200—201]. И только 16% с определенностью относили себя к гражданам независимой Украины. По данным общенационального опроса в том же 1994 г. (июль), 47% респондентов утверждали, что высказались бы против независимости Украины, если бы им вновь пришлось участвовать в референдуме по вопросу государственной независимости, и лишь 24% готовы были вновь поддержать суверенитет Украины [Бекешкіна, Кучерів, Небоженко 1994, с. 3]. Причем такие позиции разделяли не только «рядовые» жители страны, но и представители региональных элит.

С 2003 г. эта ситуация стала заметно меняться, прежде всего с точки зрения усиления украинской гражданской идентичности и восприятия Украины как «своей родины», а с конца 2004 г. происходит «взрыв» гражданской идентичности (табл. 7, 8).

С начала 2000-х годов все более настойчиво о своих интересах стали заявлять предприниматели (мелкая и средняя буржуазия, прежде всего, в сфере торговли и посредничества), высокообразованные специалисты, профессионалы. В среде крупного бизнеса нарастало недовольство зависимостью от политической конъюнктуры, высокими «налогами» на лояльность со стороны власти. Нарастало социальное противостояние по линиям:

конкурирующих элит;

формирующихся классов в средах малого и среднего предпринимательства, высококвалифицированных профессионалов, крупного бизнеса и, с другой стороны, господствующих структур, стремящихся контролировать их деятельность, заставляющих «обходить правила» и извлекать из этого ренту;

противостояние в целом общественности, фактически отчужденной от ресурсов влияния, и власти. Эти противостояния существенно осложнялись как внутренней борьбой расколотой политико-экономической элиты, так и внешней борьбой между Западом (с одной стороны, США с их активным экспансионистским геополитическим курсом, с другой стороны, странами Европейского союза с более умеренной позицией) и Россией за влияние на Украину.

Ход президентских выборов 2004 г. стал катализатором гражданской мобилизации украинского общества. По данным исследовательского Центра имени А. Разумкова, 71% взрослого населения Украины к концу 2003 г. выступали за кардинальное изменение политического курса в результате президентских выборов. Нарастающее противостояние между социальными, политико-экономическими силами, откровенный цинизм в действиях власти, высокие ожидания граждан по поводу результатов президентской кампании, которые оказывались под угрозой неудовлетворения, привели в конце концов к социальному взрыву, означавшему в том числе преодоление общественностью неверия в собственные силы: по данным мониторинга, проведенного в январе 2005 г. Институтом социологии НАНУ, 42% опрошенных граждан полагали, что политической активностью граждан во время «оранжевой революции» двигал прежде всего протест против власти (табл. 9). Эти данные любопытно сравнить с данными подобного опроса россиян, проведенного ВЦИОМ в декабре 2004 г. (табл. 10). При всей условности сравнения данных, полученных на основе несовпадающих, хотя и подобных номинальных шкал для измерения отношения, и существенном различии в периоде проведения опросов, обращает на себя внимание доминирование противоположных по смыслу позиций в восприятии событий «оранжевой революции»: в случае украинского опроса доминирование представления об этом событии как «сознательной борьбе граждан, объединившихся в защиту своих прав»; в случае российского опроса — доминирующее представление о том, что за противостоянием сил оппозиции и власти в Украине (декабрь 2004 г.) стоит борьба за власть между экономическими кланами Украины.

События «оранжевой революции» открыли шанс для либерализации политического режима в Украине, существенно подтолкнули партийно-политичес-

Таблица 7. «Кем вы себя прежде всего считаете?» (один ответ) Украина, n=1800, %

	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Жителем села, района, города, где живет	31,3	30,2	31,6	32,3	30,5	24,6
Жителем региона (области), где живет	6,9	8,6	5,9	4,8	6,7	6,4
Гражданином Украины	41,0	34,6	41,0	41,1	44,2	54,6
Представителем этноса, нации	—	—	3,0	2,5	3,1	2,1
Гражданином бывшего СССР	12,2	17,0	12,7	13,1	10,7	8,1
Гражданином Европы	2,8	2,8	0,7	0,5	0,7	0,8
Гражданином мира	5,6	0,7	0,7	3,6	2,4	2,5
Другое	—	—	1,6	2,0	1,4	1,0
Нет ответа	0,2	0,3	0,8	0,2	0,2	0,1

Источник: [Паніна 2005, с. 72].

Таблица 8. Воспринимаете ли вы Украину как свою Родину? Украина, n=1800, %

	Да	Трудно сказать	Нет	Нет ответа
март 2003г.	76,3	16,8	6,4	0,4
март 2005г.	90,3	6,1	3,3	0,3

Источник: [Паніна 2005, с. 149].

Таблица 9. Чем, по вашему мнению, была «оранжевая революция»? Украина, март 2005г., n=1800, %

1	Сознательной борьбой граждан, которые объединились в защиту своих прав	33,3
2	Государственным переворотом, осуществленным с поддержкой Запада	23,9
3	Государственным переворотом, подготовленным политической оппозицией	12,4
4	Стихийным протестом населения	11,8
	Трудно сказать	18,3
	Не ответили	0,3

Источник: [Паніна 2005, с. 149].

Таблица 10. Что главным образом стоит за нынешним противостоянием сил оппозиции и власти в Украине? Россия, декабрь 2004г., n=1600

1.	Борьба за власть между экономическими кланами Украины	34
2.	Происки зарубежных сил	22
3.	Многолетнее недовольство народа коррумпированностью украинских властей	16
4.	Массовое возмущение нарушениями в ходе президентских выборов	12
	Трудно сказать	16

Источник: [Общественное мнение—2004 2004, с. 152].

кую структуризацию граждан: если к осени 2004 г. 26% опрашиваемых граждан полагали, что в Украине есть такие партии, которым можно доверять, то к началу 2006 г. о таких позициях стали заявлять уже 38% граждан, а более 60% утверждали довольно устойчивые партийные предпочтения.

В украинском обществе 2005 — начала 2006 г. продолжается рост политической мобилизации: по данным мониторинга Института социологии НАН Украины, политическая вовлеченность граждан увеличилась почти в два раза, высоки показатели участия граждан в парламентских выборах марта 2006 г. и заинтересованности их результатами. Важнейшим результатом стал резкий рост чувства гордости за принадлежность к Украине: если по данным того же мониторинга, в 2001 г. 35% опрошенных заявляли о том, что они считают себя, прежде всего, гражданами Украины, в 2004 г. таких было 44%, то в 2005 г. о своей гражданской идентификации с Украиной уже говорили 55% опрошенных. 79% респондентов в 2005 г. заявили о том, что если бы у них была возможность выбора, они выбрали бы Украину своей родиной [Паніна 2005, с. 150], что стало беспрецедентным результатом проявления национального самосознания на протяжении всех 15 лет государственной независимости.

Пикантность заключается в том, что Украина вновь возвращается к практике нациестроительства. Однако в отличие от начала 1990-х годов, когда данная провозглашаемая идея не подкреплялась социально-культурной тканью общества, экономическими и политическими возможностями, в середине 2000-х годов эта идея становится продуктом как консолидирующейся национальной элиты, так и активности гражданского общества, выросшего в процессе рыночных трансформаций, социально-структурных изменений и для которого ценности самореализации и «жизни по правилам» стали значимыми. Это — свидетельство принципиального сдвига в украинском обществе, который коснулся не столько сферы политико-экономических, сколько гражданских и политико-культурных отношений.

Этот сдвиг способен существенно подтолкнуть, возможно, закрепить (с учетом факторов геополитического давления на Украину) либерализацию общественных отношений с последующим относительным разделением бизнеса, политики и администрирования, установлением относительно прозрачных правил институциональных взаимодействий и контроля, и возможным на этой основе преодолением межрегиональных расколов и консолидации общества. Для Украины это пока еще возможность, однако, имеющая серьезные основания.

Литература

- Барановский А., Сиденко В. Проблемы собственности и легализации капиталов и доходов в Украине // Зеркало недели, от 15 мая 2004 г. / <http://www.zn.kiev.ua/ie/show/493/46488/>
- Бекешкіна І., Кучерів І., Небоженко В. Політичний портрет України / Соціолог. служба центру «демократичні ініціативи». Прес-конференція. Київ. 9 червня 1994 р.
- Гайдар Е. Об устойчивости и гибкости политических систем // Материалы к заседанию клуба «Красная площадь». 13 апреля 2006 г.
- Головаха Е. Основные тенденции развития украинского общества в свете результатов социологического мониторинга 1994—2003 гг. // Українське суспільство — 2003.
- Головаха Е. И. Трансформирующееся общество. Опыт социологического мониторинга в Украине. Київ: Ин-т социологии, НАН Украины, 1996.

- Головаха Е., Панина Н. Социальное самочувствие населения и современные тенденции социальных изменений в Украине // Українське суспільство — 2003.
- Гуриев С., Меггинсон У. Уроки приватизации // Beyond Transition. Экономический вестник о вопросах переходной экономики. Октябрь-декабрь 2005. № 8 (2005).
- Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.
- Заславская Т. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1998.
- Заславская Т.И. Трансформация российского общества как предмет мониторинга // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1993. № 2.
- Заславская Т.И. Социализм, перестройка и общественное мнение // Социологические исследования. 1991. № 8.
- Кларк С. Классовая структура России в переходный период // Рубеж. 2000. № 2.
- Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. Международный симпозиум 16—18 января 2003 г. / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2003.
- Куценко О.Д. Фазы и пути системных трансформаций: подоби́я и различия в бывших странах государственного социализма // Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание / Под ред. О.Д. Куценко, С.С. Бабенко. Харьков: Изд-во при Харьков. ун-те, 2004.
- Куценко О. Тенденции формирования и структура региональной элиты на Украине // Этнические и региональные конфликты в Евразии: В 3 кн. Кн. 2: Россия, Украина, Белоруссия / Общ. ред. А. Зверев, Б. Коппирерс, Д. Тренин. М.: Весь мир, 1997.
- Есть мнение! Итоги социологического опроса / Общ. ред. Ю.А. Левады. М.: Прогресс, 1990.
- Макеев С., Куценко О., Оксамитная С., Симончук Е., Костенко Н. Классовое общество. Теория и эмпирические реалии / Под общ. ред. С.А. Макеева. Киев: Институт социологии АН Украины, 2003.
- Межгосударственный статистический комитет СНГ: <http://www.cisstat.com/rus/index.htm>
- Обзор экономического положения Европы. 2005 год. № 1.
- Общественное мнение — 2004. М.: Левада-Центр, 2004.
- Панина Н. Аномия в посткоммунистическом обществе // Политический портрет Украины. Бюллетень Фонда «Демократические инициативы». 1996. Вып. 16.
- Паніна Н. Українське суспільство 1994—2005: соціологічний моніторинг. Київ: Інститут соціології НАН України, 2005.
- Попов Г.Х. Фасад и кухня «великой» реформы // ЭКО. 1987. № 1.
- Послання Президента України парламенту України http://www.president.gov.ua/officdocuments/officmessages/243782148_mode_print.html
- Соціологічний моніторинг. Киев: Інститут соціології НАНУ, 2003.
- Статистический ежегодник Украины. Киев, 2004
- Ход системных реформ в СНГ // Обзор экономического положения Европы. 2003. № 1.
- Anand S., Sen A. Human Development and Economic Sustainability // World Development, 2000. 28 (12).
- Brint S. «New Class» and Cumulative Trend Explanations of the Liberal Political Attitudes of Professionals // American Journal of Sociology. 1984. 90.
- Burkhardt R. E., Lewis-Beck M.S. Comparative Democracy // American Political Science Review. 1994. 88.
- Clarke S. The Contradictions of State Socialism // Clark S. (et al.) What about the Workers. Workers and the Transition to Capitalism in Russia. London, 1993.
- Dahl R. Development and Democratic Culture // Consolidating the Third Wave Democracies / Ed. by L. Diamond, M.F. Plattner, Y.-H. Chu, H.-M. Tien. Johns Hopkins press, 1997.
- Economic Survey of Europe. Economic Commission for Europe. Geneva, 2003. № 2.
- Economic Transition in Central and Eastern Europe, the Baltic States and the CIS / Transition Report Update. EBRD, April 2001.
- Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. Making Capitalism without Capitalists. London, N.Y.: Verso, 1998.

- Gasiorowski M.J., Power T. J. The Structural Determinants of Democratic Consolidation // Comparative Political Studies. 1998. 31.
- Gros D., Steinherr A. Economic Transition in Central and Eastern Europe. Planting the Seeds. Cambridge: Cambridge Univer. Press, 2004.
- Helliwell J. F. Empirical Linkages Between Democracy and Economic Growth // British Journal of Political Science. 1994. 24.
- Hellman J.S., Geraint J., Kaufman D., Schankerman M. Measuring Governance, Corruption and State Capture. How Firms and Bureaucratic Shape the Business Environment in Transition Economics // World Bank Policy Research. Paper 2312. 2000. April.
- Huntington S.P. the Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. N.Y.: Simon & Schuster, 1996.
- Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. 65.
- Kopstein, J.S., Reilly, D.A. Geographic Diffusion and the Transformation of the Postcommunist World // World Politics. 2000. 53 (October).
- Kutsenko O. Process and Outcomes of Economic and Political Elite Networks Crystallization (the Case of Ukraine) // Cohesion and Division of Economic Elites in Central and Eastern Europe / Ed. by György Lengyel. Budapest: Corvinus University of Budapest, Centre for Empirical Social Research, 2004.
- Lipset S.M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. 1959. 53 (1).
- Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press, 1965.
- Olson M.J., Sarna N., Swamy A.W. Governance and Growth // Public Choice. 2000. 102.
- Outlook for 2005 // Economic Survey of Europe 2005 / Press Release: www.unece.org/press/pr2005/05gen_p04e.htm
- Prospects of Democracy / Ed. by T. Vanhanen. London: Routledge, 1997.
- Przeworski A. Democracy and the market. Cambridge: Cambridge Univer. Press, 1991.
- Przeworski A. et al. Democracy and Development. Political Institutions and Well-Being in the World, 1950—1990. Cambridge: Cambridge Univer. Press, 2000.
- Rose R. A Diverging Europe // Journal of Democracy. 2001. 12.
- Staniskis J. «Political Capitalism» in Poland // East European Politics and Societies. 1999. V. 5.
- Stark D., Bruszt L. Postsocialist Pathways. Transforming Politics and Property in East Central Europe. Cambridge Univer. Press, 1997.
- The New Great Transformation? Change and Continuity in East-Central Europe / Ed. by G.A. Bryant, E. Mokrzycki. L., N.Y., 1994.
- Transition Report 2000 / European Bank for Reconstruction and Development.
- Transition Report Update 2001. EBRD, London, 2002.
- Transparency International Reported in Transition Newsletter. October 1999.
- Welzel Ch., Inglehart R., Klingemann H.-D. Human Development as a General Theory of Social Change: A Multi-Level and Cross-Cultural Perspective. Discussion Paper FS III 01—201. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), 2001.
- World Economic and Financial Surveys, World Economic Outlook. April 2003. International Monetary Fund.